

Litera

Правильная ссылка на статью:

Резник Л.В. «Goethe hat alles gesagt»: И. В. Гёте в письмах Томаса Манна // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71308 EDN: ZIANIT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71308

«Goethe hat alles gesagt»: И. В. Гёте в письмах Томаса Манна

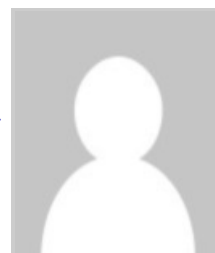
Резник Людмила Викторовна

ORCID: 0009-0008-6395-3374

аспирант; кафедра истории зарубежной литературы; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1

✉ lyudmilareznik1996@gmail.com

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71308

EDN:

ZIANIT

Дата направления статьи в редакцию:

17-07-2024

Дата публикации:

24-07-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу писем Томаса Манна и упоминаниям в них И. В. Гёте, оказавшего существенное влияние на личность и творчество писателя. Интерес к Гёте исходно возник в контексте проблематики, интересовавшей Манна (проблемы эротики, природы творчества, гениальности), и стал основой новелл «Тяжелый час» и «Смерть в Венеции». Наибольшее количество цитат и отсылок к Гёте приходится на юбилейные годы веймарского классика (1932 г., 1949 г.), а также на годы работы Манна над романом «Лотта в Веймаре» (1936–1939 гг.). Целью данной статьи является систематизация многочисленных упоминаний Гёте в письмах Манна, описание динамики образа Гёте и процесса превращения его в авторский миф. Методологическую основу статьи составляет историко-литературный подход, в рамках которого производится анализ писем Т. Манна. Отдельные выдержки из писем Манна приводятся в переводе на русский язык впервые. Интерес писателя к мифологии и психоанализу в годы работы

над романом «Лотта в Веймаре» существенно повлиял на некоторые аспекты образа Гёте в его восприятии. В письмах отражено пристрастие Манна к житнетворчеству, стремление к созданию авторского мифа о Гёте и мифа о себе как о непосредственном его преемнике. Проведённый анализ писем позволяет проследить, как менялось восприятие писателем личности Гёте с течением времени (с 1910 г. по 1955 г.) — от аполлонического образа «олимпийца» и божественного «дитя природы» до двойственной фигуры «демонического» гения, разрываемого противоречиями собственной художественной природы.

Ключевые слова:

Томас Манн, Иоганн Вольфганг Гёте, письма, Лотта в Веймаре, авторский миф, подражание Гёте, житнетворчество, Тяжёлый час, Смерть в Венеции, Доктор Фаустус

Личность и биография Иоганна Вольфганга фон Гёте (Johann Wolfgang von Goethe, 1749–1832) являлись предметом интереса Томаса Манна (Thomas Mann, 1875–1955) на протяжении практически всей его творческой жизни, что нашло свое отражение в новелле «Смерть в Венеции» (Der Tod in Venedig, 1912), романах «Лотта в Веймаре» (Lotte in Weimar, 1939), «Доктор Фаустус» (Doktor Faustus, 1947) и других произведениях писателя. Источником первоначального замысла многих произведений Манна в той или иной мере выступали эпизоды из жизни, литературное наследие и даже отдельные гётевские высказывания или строки. В 1922–1949 гг. Манн написал свыше десятка эссе и выступил с несколькими докладами («Гёте и Толстой» (Goethe und Tolstoi, 1921), «Гёте как представитель бюргерской эпохи» (Goethe als Repräsentant des bürgerlichen Zeitalters, 1932) и др.), главной темой которых была фигура Гёте, рассматриваемая в различных аспектах: как автохарактеристика, как немецкая идея, как тема измерения европейской (и мировой) культуры (сам по себе, во взаимосвязи с романтиками, Р. Вагнером, Ф. Ницше; применительно к политической ситуации 1930-х гг.), Гёте в контексте проблемы пола или демонизма творчества. Наконец, сыграла свою роль и творческая конкуренция Манна с современниками (Р. Штейнер, Г. Гессе, Г. Гауптман), интересовавшимися Гёте как самим по себе, так и в контексте проблематики символизма, культуры немецкого (а также австрийского) модерна.

Анализ отдельных аспектов проблемы Манн/Гёте можно обнаружить в статьях Т. Н. Васильчиковой [1], Л. К. Габдулатзяновой [2], А. И. Жеребина [3], А. Ю. Зиновьевой [4], В. М. Толмачёва [5]. Цель данной статьи — систематизировать многочисленные упоминания Гёте в письмах Т. Манна, а также описать динамику образа Гёте и процесс превращения его в авторский миф.

Несмотря на то, что часть писем, написанных до отъезда писателя из Германии в 1933 г., не сохранилась, на данный момент опубликованы по меньшей мере полторы тысячи писем Манна 1889–1955 гг. Наиболее полное, трехтомное, собрание писем было подготовлено к публикации в 1960-х гг. Эрикой Манн — старшей дочерью писателя. В предисловии к нему Э. Манн отмечает важность «данной сферы — сферы писем», поскольку, по ее мнению, именно в ней «магнетическая личность» ее отца проявляется «самым прямым образом»: в письмах «он выдает себя таким, каким он был; [...] там он снова живет для нас» (пер. наш — Л. Р.) [6, стр. XIII].

В отечественном литературоведении письма Манна были объектом исследования С. К. Апта, который отобрал, перевел на русский язык и снабдил комментариями 300 «самых

характерных для духовного облика писателя» [\[7, стр. 376\]](#) писем, опубликованных как самостоятельное издание в 1975 г. — к столетию Манна. В послесловии С. К. Апт обращает внимание на то, что письма «фиксируют постоянство главенствующей роли Гёте в ассоциациях Томаса Манна» [\[8, стр. 378\]](#). Имя Гёте не только фигурирует на страницах писем Манна в связи с его рассуждениями о литературе и творчестве, но и постоянно упоминается в письмах, посвященных судьбе Германии и немцев, а афоризмы Гёте выступают для писателя главным источником цитат.

Однако сближение Т. Манна с Гёте происходило постепенно, что было обусловлено художественной близостью творчества Манна на раннем его этапе к наследию Г. Э. Лессинга, Т. Фонтане и Ф. фон Шиллера, когда его философскими и идейными ориентирами выступали А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и Р. Вагнер. Лишь позднее, по выражению Б. Блуме, «Томас Манну *увидел в жизни и природе Гёте усиленное отражение и разрешение собственных душевных противоречий*» [\[9, стр. 277\]](#).

Если судить по опубликованным письмам, первые упоминания имени Гёте возникают только в 1910–1911 гг. (Манну на тот момент 35 лет) в связи с рассуждениями писателя о таланте Г. фон Клейста и Р. Вагнера. В письме брату Генриху от 17.11.1910 Манн пишет: «Я читал прозу Клейста, чтобы взять себя в руки, и после Кольхааса был зол на Гёте, который отверг его [Клейста] из-за его „ипохондрии“ и „духа противоречия“» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[6, стр. 82\]](#). В письме к Э. Бертраму от 16.10.1911, говоря о своем отношении к Вагнеру, Манн рассуждает: «О Флобере, как и о Гёте, всегда приходится говорить, когда приходится всерьез сводить счеты с Вагнером. Плохо только то, что оба они, возможно, приняли бы его — Гёте из моральной терпимости ко всему великолепно творческому, а Флобер, например, из склонности к варварски-утонченному» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[10, стр. 10–11\]](#). В письме Юлиусу Бабу от 14.09.1911: «Гёте должен был воспринять Вагнера как явление, в корне отталкивающее. Конечно, он был морально очень терпим к великим фактам и последствиям, и иногда я задаюсь вопросом, не ответил бы он нам так: „Этот человек слишком велик для вас“. Но это было бы его делом. Немцев следует поставить перед выбором: Гёте или Вагнер. И то, и другое вместе не годится. Но я боюсь, что они скажут „Вагнер“. Или, может быть, все-таки нет? В конце концов, разве каждый немец не должен знать в глубине души, что Гёте — несравненно более уважаемый и заслуживающий доверия вождь и национальный герой, чем этот пронырливый гном из Саксонии, обладающий взрывным талантом и скверным характером? Вот в чем вопрос» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[6, стр. 91\]](#).

Эти первые упоминания Гёте в письмах Манна объединены отсылкой к его авторитету, однако в них он еще не идентифицирует себя самого с Гёте. По мнению Я. Эльзаге и Х. Аффольтера [\[11, 2019\]](#), отсутствие упоминаний Гёте, как и стремление представить его образ в ироническом ключе, — следствие, в психоаналитическом свете, «соперничества» Манна с „Vater-Imago“ Гёте и особого рода самоидентификации, выходящей за рамки литературного творчества.

Интерес к Гёте исходно возник в контексте проблематики, интересовавшей Манна (проблемы эротичности, природы творчества и гениальности), и стал основой новелл «Тяжелый час» (Schwere Stunde, 1905) и «Смерть в Венеции», в которых обыграны элементы биографии Гёте. Но восприятие Манном Гёте с течением времени менялось, и в 1915 г. писатель приходит к пониманию, что Гёте отнюдь не был тем невозмутимым «олимпийцем», каким он изобразил его за десять лет до этого в новелле «Тяжелый час». Отправной точкой для этой «корректировки» образа Гёте, по мнению японского

исследователя Ц. Ито [\[12, 1962\]](#), становится интерес Манна к истории любви 72-летнего Гёте к 17-летней Ульрике фон Леветцов, изучение которой открыло Манну «дионисийские основы» олимпийско-аполлонической натуры Гёте. В 1920 г. Манн в ответном письме поэту и писателю Карлу Мари Веберу комментирует замысел «Смерти в Венеции»: «Предметом моего рассказа была [...] — гротескно поданная — история старца Гёте и той девочки в Мариенбаде, [...] мучительная, трогательная и великая история, которую я еще, может быть, когда-нибудь напишу» [\[7, стр. 27\]](#). И хотя новелла «Гёте в Мариенбаде» так и не была создана Манном, спустя два десятилетия другой эпизод биографии Гёте лег в основу романа «Лотта в Веймаре».

В письме к переводчику Александру Элиасбергу в 1914 г. Манн в связи с присланным ему переводом книги Д. С. Мережковского «Вечные спутники» делится своими впечатлениями об уже прочитанных эссе «Гёте» и «Сервантес»: «Чудесно! Поистине достойно восхищения! Я не знаю ничего более высокого в критическом, духовном познании. И иногда там, где это связано с предметом, как у Гёте, в этом познании есть что-то сверхдуховное, что-то мистически-телесное, — о чем почти невозможно говорить, но подобное уже было в его великом толстовском анализе ранее — как я полагаю, поскольку Гёте и Толстой, которых он рассматривает как противоположности, имеют больше общего, чем Гёте и бестелесный, бесплотный Достоевский» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[6, стр. 114\]](#). В этом письме уже можно увидеть идею будущего доклада Манна «Гёте и Толстой», который будет написан лишь спустя 7 лет (в 1921 г.). Из дневниковых записей Манна становится известно, что окончательно концепция доклада сформировалась у писателя после знакомства с дневниками молодого Толстого, первый том которых он получил из издательства Георга Мюллера 12 декабря 1918 г. и, приступив в тот же день к чтению, был глубоко им впечатлен: «По вечерам дневник Толстого. Наряду с Гёте среди постоянно живущих духов он — тот, чья форма жизни привлекает меня больше всего, и чье чувство жизни через все его высказывания самым непосредственным образом оживляет мое. Его творчество — великолепное и органичное сочетание чувственности и морализма» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[13, стр. 107\]](#). Из этого следует, что Манн уже на тот момент связывал Толстого с Гёте, а их обоих — с самим собой. Важен и тот факт, что интерес писателя с самого начала вызван не художественным произведением, а дневниковыми записями, и концентрируется на личностях писателей. Для Манна, как и для Гёте и Толстого, взаимное проникновение «поэзии» и «правды» являлось неотъемлемой частью существования художника.

В период создания книги «Размышления аполитичного» (*Betrachtungen eines Unpolitischen*, 1915–1918), в которой неоднократно встречается имя Гёте, в духовном мире Томаса Манна все же еще господствовал «триумвират» — Шопенгауэр, Вагнер и Ницше. Это влияние «трех пессимистов» после Первой мировой войны постепенно сходит на нет, а с 1921 г. (когда Манн выступает со своим первым докладом о Гёте) фигура веймарского классика выходит для писателя на первый план. В ответе Эрнсту Бертраму (от 10.06.1921) на поздравительное письмо ко дню рождения Манн уже цитирует Гёте непосредственно в связи со своей жизнью: «Сорок шесть лет! И я чувствую себя таким отстающим, таким виноватым перед всем миром. Но что касается этого мира, то с ранних лет я часто повторяю себе мудрое высказывание Гёте: „Если вы создали что-то, мир сделает все возможное, чтобы помешать вам когда-либо снова создать подобное“» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[10, стр. 96\]](#). Рассуждая о создании «Размышлений аполитичного», Манн пишет Феликсу Берто (от 1.03.1923): «Известная антилиберальность этой исповедальной книги объясняется моим отношением к Гёте и Ницше, в которых я вижу своих высочайших наставников, — если не бессовестно навязываться в ученики таким

фигурам» [\[7, стр. 34\]](#). «Гёте все сказал» („Goethe hat alles gesagt“ [\[6, стр. 363\]](#)), — резюмирует Манн в письме к сценаристу и писателю Альфреду Нойману в 1934 г., и действительно, начиная с 1930-х гг., личность Гёте выступает для писателя мерой наиважнейших вещей — творчества, морали и даже собственной личности: «И я даже думаю все-таки, что мне удалось построить свою позднюю жизнь по образцу Гёте» [\[7, стр. 159\]](#) (из письма Э. фон Калеру от 16.01.1944).

Основная масса упоминаний Гёте в письмах Манна приходится на юбилейные годы Гёте (1932 г. — столетие со дня смерти и 1949 г. — двухсотлетие со дня рождения), а также на годы работы над романом «Лотта в Веймаре» (1936–1939 гг.). Большое внимание писатель уделяет Гёте как действующему лицу своего романа «Лотта в Веймаре». И. Дирзен обращает внимание на тот факт, что создание романа пришлось на те годы, в которые Манн работал над тетралогией «Иосиф и его братья», что бесспорно отразилось и на «Лотте в Веймаре», поскольку «мир мифов присутствовал в сознании Томаса Манна» [\[14, стр. 193\]](#) и существенно повлиял на некоторые аспекты образа Гёте в его восприятии. В письме К. Кереньи от 16.11.1939 Манн задается риторическим вопросом: «...в Вашей статье прозвучало немало идей, входящих и в нынешнее мое умственное занятие, в гётевский роман. Не «мифология» ли в конечном счете, и он?» [\[7, стр. 102\]](#).

В 1933 г. в дневнике Манна появляется запись, свидетельствующая о его намерении написать художественное произведение о Гёте: «Новелла или театральная пьеса о визите старой Лотты Буфф-Кестнер снова запала мне в душу» (*пер. наш — Л. Р.*) [\[15, стр. 251\]](#). Данный эпизод из жизни Гёте стал известен Манну благодаря книге психоаналитика Ф. А. Тайльхабера «Гёте. Пол и Эрос» (Goethe. Sexus und Eros, 1929), в которой были процитированы отрывок из письма Шарлотты Кестнер ее сыну (в котором она делится впечатлениями о приеме в доме Гёте) и краткая запись из дневника самого Гёте о визите «мадам Кестнер». На основе этой лаконичной фабулы Томасу Манну в своем романе с помощью интертекстуальности, цитатности и приему «многократного отражения» (на протяжении первых шести глав Гёте присутствует в романе лишь опосредованно, в беседах Лотты с персонажами, выполняющими функцию сродни вестникам в античной драме, однако их рассказы, поначалу будто бы раскрывающие сущность Гёте, затем всё плотнее стягивают завесу вокруг него) удастся создать многогранный художественный образ (не тождественный ни биографическому Гёте, ни традиционному представлению о Гёте как о «веймарском классике»). Письма Манна позволяют проследить как ход работы над романом, так и реакцию современников на его публикацию. Отдельные письма к американской журналистке Агнес Мейер, филологу-классику Карлу Кереньи и другим адресатам представляют собой развернутый автокомментарий писателя к «роману о Гёте».

Наконец, важен и тот факт, что сама корреспонденция Манна оказывается материалом для текста романа. Так, в поток сознания просыпающегося Гёте в седьмой главе Манн включает «целые пассажи из собственных публицистических статей и писем» [\[8, стр. 8\]](#). Широко известная цитата Манна, сказанная им в интервью газете «The New York Times» (22.02.1938): «Где я, там Германия. Я несу свою немецкую культуру в себе» (*пер. наш — Л. Р.*), была почти дословно повторена им в романе от лица Гёте: «Мою немецкую сущность я храню про себя, а они со своим злобным филистерством, в котором усматривают *свою* немецкую сущность, пусть убираются к черту! Мнят, что они — Германия. Но Германия — это я. И если она погибнет, то будет жить во мне» [\[16, стр. 633–634\]](#).

В письме младшему брату Виктору Манну от 4.10.1946 Томас Манн описывает невольную «мистификацию», произошедшую в том же году в рамках Нюрнбергского процесса, когда британский прокурор процитировал «высказывания Гёте о немцах, думая, что по подлиннику, а на самом деле — по „Лотте в Веймаре“», но ошибка была вскоре замечена: «[...] Посольство в Вашингтоне смущенно запросило меня, как тут обстоит дело. Я ответил, что ручаюсь за то, что Гёте в самом деле вполне мог бы думать и говорить в точности так, как он думает и говорит у меня, и значит, в некоем высшем смысле prosecutor цитировал его всё-таки верно. [...] Эпизод вышел щекотливый» [\[7, стр. 209–210\]](#).

Манн неоднократно обращался с письмами к переводчикам своих произведений, например, комментируя нюансы перевода ключевой — седьмой — главы «Лотты в Веймаре», основу которой составляет пространственный внутренний монолог Гёте. Осознавая трудность стоящей перед переводчицей работы, Манн пишет Луизе Сервисан, работающей над французским переводом романа: «... хочу послать Вам несколько [...] утешительных слов, по поводу почти, наверно, непреодолимых на первый взгляд трудностей, которыми озадачивает переводчика этот фатальный кусок прозы. Могу себе представить, что Вы этим угнетены и пребываете в некоторой растерянности. [...] Я сам того мнения, что в иноязычных изданиях «Лотты в Веймаре» эту главу надо сократить и упростить, так как некоторые намеки и литературные реминисценции возможны, наверно, только в немецком тексте, да и в немецком сегодня тоже едва ли» [\[7, стр. 106\]](#).

Кроме того, в письмах Манн развернуто отвечает интересующимся читателям на вопрос реальности финала романа — сцены разговора Лотты и Гёте в карете: «Всякий раз, когда меня просят решить спор, мне хочется согласиться с обеими сторонами. Но как следует подумав, я должен признаться: чаша весов склоняется к нереальности чуть-чуть больше. [...] Исторической, как обед, встреча в карете все равно не является. Гёте не провожал Лотту после театра. В связи с Вашим письмом я снова почитал свою книгу. Она моей душе все же очень, очень близка, и хорошее это было время, когда я писал ее» [\[7, стр. 221–222\]](#).

Манн целенаправленно искал точки пересечения своей жизни с личностью и биографией Гёте и придавал символическое значение даже бытовым деталям, в которых замечал свое сходство с ним. Начиная с бюргерского происхождения и врожденной двойственности натуры Манна («Спрашивая себя, какие от кого мне передались свойства, я неизменно вспоминаю знаменитый стишок Гёте и устанавливаю, что, как и он, „суровость честных правил“ я унаследовал от отца, а „нрав весело-беспечный“, иначе говоря — восприимчивость ко всему художественно-ощутимому и, в самом широком смысле этого слова, „к вымыслу влечение“, — от матери» [\[17, стр. 93\]](#)), закачивая тем, что Манн пользовался тем же одеколоном, что и Гёте [\[18, стр. 254\]](#), и очень обрадовался, когда узнал, что первый экипаж появился у Гёте лишь в 50 лет (так же, как и первый автомобиль у самого Манна) [\[11, стр. 11\]](#).

Стремление к жителю творчеству, созданию авторского мифа о Гёте и мифа о себе как о непосредственном его преемнике, распространялось и на письма Манна, в которых он прямо или косвенно отождествлял себя с Гёте. Так, в письме к Агнес Мейер в 1943 г. Манн пишет: «Вы знаете, конечно, что до смешного жуткая атмосфера, которой я окружил Гёте в романе, была самобичеванием и самовысмеиванием. Что я способен смеяться над собой, это ведь, как-никак, человеческая черта, не правда ли? [...] Я сделал Гёте, свой отцовский прообраз, куда как плохим» [\[7, стр. 144\]](#). В период работы

над романом «Доктор Фаустус» в письме К. Кереньи от 12.02.1946 Манн упоминает «холод», присущий художнику (один из ключевых мотивов как в романе об Адриане Леверкюне, так и в романе о Гёте): «Я не хочу защищать гётевскую холодность. Я слишком хорошо ее понимаю, и у меня самого ее много. Но я знаю, что Гёте, как все наши великие, как Лютер, Бисмарк, Ницше, был, с одной стороны, красой и гордостью немцев, а с другой, как формирующая сила, и роком для них. В „Лотте в Веймаре“ я старался дать почувствовать эту двойственность во всем ее „раздражительном комизме“» [\[7, стр. 207\]](#). Мотивы «жертвенности» и «отречения», проблемы соотношения «поэзии» и «правды», «двойственности» гения и особого параллелизма его творческой жизни с судьбой Германии позволяют рассматривать роман «Доктор Фаустус» как следующий этап развития гётевской темы в творчестве Манна после «Лотты в Веймаре».

Помимо этого, Гёте является непосредственным стимулом для столь долго откладываемой поездки Манна в Европу в 1949 г., спустя 16 лет, проведенных в эмиграции, когда широко празднуется 200-летний юбилей Гёте: «Вы знаете: это гётевский год, и что тут мне не увильнуть, я понимал заранее. Да и составлена довольно долгая программа обязанностей: в конце апреля мы выезжаем в Чикаго, где и начнется танец, затем я буду читать в Вашингтоне о „Гёте и демократии“, затем в Нью-Йорке, затем поедem в Англию, затем в Швецию, оттуда в Швейцарию, возможно, и в Австрию [...]» [\[7, стр. 258-259\]](#) (из письма А. Мак-Лишу от 27 февраля 1949).

Мифотворчество Манна распространяется и на его близких: так, в письме Гвидо Девескови от 1 мая 1955, Манн сравнивает себя и своего старшего брата Генриха Манна с Гёте и Шиллером: «Но я был неописуемо потрясен, [...] когда незадолго до своей смерти Генрих подарил мне одну из своих книг с надписью: „Моему великому брату, который написал «Доктора Фаустуса»“. Что это? Как это? Ведь великим братом всегда был он! И я подбочился и вспомнил слова Гёте о глупом споре немцев, кто более велик, он или Шиллер: „Им бы радоваться, что у них есть два таких парня!“» [\[7, стр. 362\]](#). О самоубийстве сына Клауса Манн также говорит словами Гёте (из письма 1830 г., в котором он в тех же словах упоминает о смерти своего сына Августа): «Но вполне хорошо я уже давно (с „ухода моего сына“) себя не чувствую, а здесь мне надо было готовить для Франкfurта речь – с великим трудом» [\[7, стр. 261\]](#).

Последним упоминанием имени Гёте в письмах Манна является письмо, адресованное его младшему сыну Михаэлю Манну и его семье 9.08.1955 — за 3 дня до смерти писателя. В нем Манн сообщает, что читает книгу о Моцарте и, по устоявшейся привычке, сравнивает его с Гёте: «Он [Моцарт] тоже был аристократом и, в отличие от Гайдна, мало что смыслил в простонародье, как и Гёте» (пер. наш — Л. Р.) [\[19, стр. 418\]](#).

Подводя итог, стоит отметить, что письма (наряду с эссеистикой и дневниками) являются неотъемлемой частью художественного творчества Томаса Манна, выступая важным пространством для самокомментария и самоанализа. Имя Гёте фигурирует в письмах Манна на протяжении 45 лет (с 1910 г. по 1955 г.), в течение которых восприятие писателем личности Гёте менялось — от аполлонического образа «олимпийца» и божественного «дитя природы» до разрываемого противоречиями собственной художественной природы «демонического» гения, дионисийской фигуры («Я первый — жертва, и я же жертвоприносите́ль» [\[16, стр. 733\]](#)), в которой Манн находил мифологическую основу своей судьбы и своего творчества.

Библиография

1. Васильчикова Т. Н. Тема искусства и художника в интеллектуальной прозе Т. Манна: новелле «Смерть в Венеции» и романе «Доктор Фаустус» // Симбирский научный вестник. – 2017. – № 1(27). – С. 44-49.
2. Габдулатзянова Л. К. Очерк Т. Манна «В зеркале»: автобиография писателя в диалоге с романом воспитания // Филология и культура. – 2012. – №4 (30). – С. 86-89.
3. Жеребин А. И. Немецко-русская утопия Томаса Манна («Гёте и Толстой») // Новый филологический вестник. – М., 2019. – № 1 (48). – С. 273-281.
4. Зиновьева А. Ю. Манн Т. Гёте и демократия / Пер. с нем. А. Ю. Зиновьевой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. – 2009. – № 1(15). – С. 83-103.
5. Толмачёв В. М. О символизме Томаса Манна // Studia Litterarum. – М., ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2. № 3. – С. 118-137.
6. Mann Th. Briefe 1889-1936 / Hrsg. von E. Mann. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1961. – 582 S.
7. Манн Т. Письма / Пер. с нем. С. К. Апта; отв. ред. Б. Л. Сучков. – М.: Наука, 1975. – 464 с.
8. Апт С. К. Над страницами Томаса Манна: Очерки. – М.: Советский писатель, 1980. – 392 с.
9. Blume B. Thomas Manns Goethebild // PMLA. – 1944. – № 59(1) – S. 261-290.
10. Bertram E., Mann Th. Thomas Mann an Ernst Bertram: Briefe aus den Jahren 1910–1955. / Hrsg. von I. Jens. Pfullingen: Neske, 1960. – 315 S.
11. Thomas Mann. Goethe / Hrsg. von Y. Elsäghe, H. Affolter. – Frankfurt am Main: Fischer Klassik, 2019. – 544 S.
12. Itoh Ts. Goethe und Thomas Mann. – Eigenverlag, 1962. – 36 S.
13. Thomas Mann. Tagebücher 1918–1921 / Hrsg. von P. de Mendelssohn. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. – 920 S.
14. Дирзен И. Эпическое искусство Т. Манна. Мировоззрение и жизнь. – М.: Прогресс, 1981. – 304 с.
15. Thomas Mann. Tagebücher 1933–1934 / Hrsg. von P. de Mendelssohn. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1977. – 818 S.
16. Манн Т. Лотта в Веймаре / Пер. с нем. Н. Ман // Манн Т. Собр. соч. в 10 тт. Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 363-736.
17. Манн Т. Очерк моей жизни / Пер. с нем. А. Кулишер // Манн Т. Собр. соч. в 10 тт. Т. 9. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 93-143.
18. Elsäghe Y. Die imaginäre Nation. Thomas Mann und das "Deutsche". – München: Fink, 2000. – 429 S.
19. Mann Th. Briefe 1948-1955 / Hrsg. von E. Mann. – Frankfurt am Main: S. Fischer, 1965. – 654 S.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой работы, безусловно, интересна, нетривиальна, по-своему нова. Как отмечает в начале, «цель статьи — систематизировать многочисленные упоминания Гёте в письмах Т. Манна, а также описать динамику образа Гёте и процесс превращения его в авторский миф». Интенсив разверстки темы вполне понятен, серьезных разночтений не выявлено. Методология исследования имеет конструктивно-системный характер, при должной степени эмпирики. Необходимый комментарий

актуальности, отчасти и изученности проблемы дается в режиме ссылок: например, «В отечественном литературоведении письма Манна были объектом исследования С. К. Апта, который отобрал, перевел на русский язык и снабдил комментариями 300 «самых характерных для духовного облика писателя» [7, стр. 376] писем, опубликованных как самостоятельное издание в 1975 г. — к столетию Манна. В послесловии С. К. Апт обращает внимание на то, что письма «фиксируют постоянство главенствующей роли Гёте в ассоциациях Томаса Манна» [8, стр. 378]. Имя Гёте не только фигурирует на страницах писем Манна в связи с его рассуждениями о литературе и творчестве, но и постоянно упоминается в письмах, посвященных судьбе Германии и немцев, а афоризмы Гёте выступают для писателя главным источником цитат». Фактическая составляющая работы безупречна: «Если судить по опубликованным письмам, первые упоминания имени Гёте возникают только в 1910–1911 гг. (Манну на тот момент 35 лет) в связи с рассуждениями писателя о таланте Г. фон Клейста и Р. Вагнера. В письме брату Генриху от 17.11.1910 Манн пишет: «Я читал прозу Клейста, чтобы взять себя в руки, и после Кольхааса был зол на Гёте, который отверг его [Клейста] из-за его „ипохондрии“ и „духа противоречия“» (пер. наш — Л. Р.) [6, стр. 82]. В письме к Э. Бертраму от 16.10.1911, говоря о своем отношении к Вагнеру, Манн рассуждает: «О Флобере, как и о Гёте, всегда приходится говорить, когда приходится всерьез сводить счеты с Вагнером. Плохо только то, что оба они, возможно, приняли бы его — Гёте из моральной терпимости ко всему великолепно творческому, а Флобер, например, из склонности к варварски-утонченному» (пер. наш — Л. Р.) [10, стр. 10–11]». Цитации даны в режиме норм, основные требования издания учтены. Считаю, что автор статьи полновесно старается объективировать тему, решить поставленный ценз задач; и это не только номинация, но и объективный и целостный анализ: «Интерес к Гёте исходно возник в контексте проблематики, интересовавшей Манна (проблемы эротики, природы творчества и гениальности), и стал основой новелл «Тяжелый час» (Schwere Stunde, 1905) и «Смерть в Венеции», в которых обыграны элементы биографии Гёте. Но восприятие Манном Гёте с течением времени менялось, и в 1915 г. писатель приходит к пониманию, что Гёте отнюдь не был тем невозмутимым «олимпийцем», каким он изобразил его за десять лет до этого в новелле «Тяжелый час». Отправной точкой для этой «корректировки» образа Гёте, по мнению японского исследователя Ц. Ито [12, 1962], становится интерес Манна к истории любви 72-летнего Гёте к 17-летней Ульрике фон Леветцов, изучение которой открыло Манну «дионисийские основы» олимпийско-аполлонической натуры Гёте». Новизна работы заключается в нетривиальности выбора темы, подобных работ не так много, следовательно, материал актуален и по-своему нов. Стиль сочинения соотносится с научным типом, термины и понятия унифицированы: «наконец, важен и тот факт, что сама корреспонденция Манна оказывается материалом для текста романа. Так, в поток сознания просыпающегося Гёте в седьмой главе Манн включает «целые пассажи из собственных публицистических статей и писем» [8, стр. 8]. Широко известная цитата Манна, сказанная им в интервью газете «The New York Times» (22.02.1938): «Где я, там Германия. Я несу свою немецкую культуру в себе» (пер. наш — Л. Р.), была почти дословно повторена им в романе от лица Гёте: «Мою немецкую сущность я храню про себя, а они со своим злобным филистерством, в котором усматривают свою немецкую сущность, пусть убираются к черту! Мнят, что они — Германия. Но Германия — это я. И если она погибнет, то будет жить во мне» и т.д. Ссылки в работе даются в режиме необходимости и нужности: «из дневниковых записей Манна становится известно, что окончательно концепция доклада сформировалась у писателя после знакомства с дневниками молодого Толстого, первый том которых он получил из издательства Георга Мюллера 12 декабря 1918 г. и, приступив в тот же день к чтению, был глубоко им впечатлен: «По вечерам дневник Толстого. Наряду с Гёте среди постоянно живущих

духов он — тот, чья форма жизни привлекает меня больше всего, и чье чувство жизни через все его высказывания самым непосредственным образом оживляет мое. Его творчество — великолепное и органичное сочетание чувственности и морализма» (пер. наш — Л. Р.) [13, стр. 107]» и т.д. Фактический вывод сделан в соответствии с основной частью, противоречий не выявлено; можно согласиться, что «письма (наряду с эссеистикой и дневниками) являются неотъемлемой частью художественного творчества Томаса Манна, выступая важным пространством для самокомментария и самоанализа. Имя Гёте фигурирует в письмах Манна на протяжении 45 лет (с 1910 г. по 1955 г.), в течение которых восприятие писателем личности Гёте менялось — от аполлонического образа «олимпийца» и божественного «дитя природы» до разрываемого противоречиями собственной художнической природы «демонического» гения, дионисийской фигуры («Я первый — жертва, и я же жертвоприносите́ль» [16, стр. 733]), в которой Манн находил мифологическую основу своей судьбы и своего творчества». Данный материал имеет практическую значимость, его можно использовать в системе вузовского обучения. Рекомендую статью ««Goethe hat alles gesagt»: И. В. Гёте в письмах Томаса Манна» к публикации в научном журнале «Litera» ИД «Nota Bene».